

Три фронта «общества граждан»: усиление конфликтности

АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ

«Гражданочка!» — обращается герой культового советского фильма «Бриллиантовая рука» Семен Семенович, типичный homo soveticus, к шарахающейся от него женщине в парандже; дело происходит в абстрактном восточном городе. «Называйте меня не мось, а ситуайен, что значит — гражданин», — говорит Остап Бендер Шуре Балаганову в «Золотом теленке».

«Гражданин» — важнейшее для советского обихода понятие, поначалу идеологизированное, а потом превратившееся в бытовую рутину, — естественно, было лишено какого-либо содержательного смысла, кроме обозначения принадлежности к государству, то есть гражданства.

Ироническая апелляция Бендера к французскому языку отсылает к романтическому происхождению понятия, но также и историческому: как в революционной Франции, так и в революционной России обращение «гражданин» заменило «господина». Характерно, что в советских энциклопедических словарях само понятие «гражданин» отсутствовало — на этом месте можно было обнаружить статью о кон-

сервативном издании «Гражданин», где, в частности, печатался Федор Достоевский со своим «Дневником писателя». Согласно словарю Даля, первое издание которого публиковалось в 1863–1866 годах, «гражданин» — это прежде всего городской житель (в продолжение понимания этой категории во французском и немецком языках), а также «член общины и народа, состоящего под одним общим управлением»¹. Во французской традиции «гражданин» рассматривался «с точки зрения его обязанностей по отношению к родине и его политических прав» (*conçidéré du point de vue de ses devoirs envers la patrie et de ses droits politiques*)², «живущий в республике» (*qui vit en république*), то есть не подданный³.

Мотив обладания гражданскими и политическими правами при республиканской форме правления здесь главный. И, разумеется, он едва ли был очевиден в советское время, когда «гордый дух гражданства» воспевался исключительно в контексте борьбы с царизмом и его наследием, а подлинным гражданином объявлялся, как в поэме Евгения Евтушенко «Братская ГЭС», именно поэт, который «в России больше, чем поэт».

Собственно гражданами советские люди почувствовали себя в годы перестройки: от них уже что-то зависело — и они участвовали в выборах. Появилось понятие «неформальное движение», что означало не только выход гражданской активности из-под контроля партии, но и в принципе за институциональные рамки советской системы (советы, профсоюзы, комсомол и т. д.). Характерной чертой того времени стали дискуссионные клубы, которые по сути были гражданскими организациями или даже протопартиями. Из клуба «Перестройка», например, вышло множество будущих депутатов и членов правительства. С 1989 года гражданское общество получило возможность использовать такой инструмент, как выборы. Съезд народных депутатов — это уже была внепартийная демократия. Гражданское чувство, возникавшее из ощущения того, что можно в принципе влиять на дела в стране, породило феномен «транзисторной демократии» — существенная часть нации прильнула к приемникам, чтобы «в режиме онлайн» слушать, что происходит на съездах народных депутатов.

Нормальное понимание «гражданина» как обладателя прав — это уже предмет регулирования постсоветского конституционного права. Транзит от коммунизма к политической демократии и рыночной экономике означал и формирование вполне здорового гражданского общества, к мнению которого, несмотря на некоторую специфичность правления в ельцинский период (война в Чечне, конфликт с парламентом и рождение конституции президентской республики), государство прислушивалось. Этому способствовало и появление неподцензурных медиа, в путинский период отравленных тотальной самоцензурой или прямой цензурой в государственных СМИ.

Гражданское общество в России — своего рода зонтичное понятие, которое покрывает как одобряемую государством активность, так и не одобряемую. Под «обществом граждан» или «обществом сознательных граждан» мы будем понимать тот тип гражданской активности, который противостоит давлению власти и основан на либеральных и демократических ценностях. Существование этой части гражданского общества не по его вине подчинено конфликтной логике. И на его трех фронтах противостояния, а также

на том, какого типа структуры входят в гражданское общество, мы остановимся чуть ниже.

Но сначала — о том, как государство проникает в гражданское общество и, по сути, «национализует» его.

ЭТАТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

В постъельцинский период по мере «взросления» авторитарного режима⁴ государство последовательно возвращалось в политику, экономику, духовную и социальную сферы. Кризис представительства в политике и эрозия институтов сопровождалась огосударствлением гражданского общества.

Атомизировать гражданское общество, расколоть его на готовых сотрудничать с властью и не готовых, лишить его субъектности и самостоятельного значения, запугать репрессивным законодательством — эти задачи вполне успешно решались в последние годы авторитарным государством. Формирование имитационного гражданского общества, своего рода «национализация человека» — путь к устранению различий между государством и обществом. Помогали и помогают государству в этом общественные организации при власти и Русская православная церковь. Этатизация общества — одно из важнейших свойств и одновременно целей современной российской политической системы. В такой ситуации, по выражению Егора Гайдара, «общество становится колонией государства»⁵.

У власти есть все инструменты (и инструментарий начиная с 2012 года все время пополняется), чтобы политически вытеснить гражданское общество. Один из таких инструментов — плановые и особенно внеплановые проверки Минюстом политически неблагонадежных структур гражданского общества, например «Мемориала» и движения «За права человека»⁶. Неисчерпаемы и законодательные инициативы. Например, в самом начале 2019 года Минюст разработал поправки к закону «Об общественных объединениях» — об обязательной регистрации не имеющих юридического лица некоммерческих объединений. Без включения в новый реестр такие НКО будут лишены прав общественных объеди-

нений, включая использование наименования, проведение собраний и митингов и распространение информации о своей деятельности⁷.

Вертикальна не только власть, но и ее восприятие. Это заметно даже по явке избирателей. Голосуют, исполняя ритуал законопослушности, прежде всего за федеральную власть. Как правило, меньше людей приходят на избирательные участки в регионах, мало — на выборах муниципальных. Люди так и не поняли — причем даже в Москве, судя по результатам выборов сентября 2017 года, — что с помощью муниципальных властей можно научиться решать проблемы и пытаться соуправлять. В западной политической культуре все наоборот: главная власть — локальная. Незнание возможностей локального самоуправления в России, отсутствие опыта его использования ограничивают возможности муниципальных депутатов. Например, чрезвычайно значимые на фоне усугубляющейся конфликтности граждан и властей муниципальные выборы в Москве в сентябре 2017 года отличались невысокой явкой (14,82%), хотя, казалось бы, именно на этом уровне простые москвичи могли бы повлиять на ситуацию в городе и в своем районе. А нужда в этом, как мы увидим ниже, в силу заведомо конфликтных решений местных властей возникает постоянно.

Локальные сообщества — «третье основание для процветания»⁸ наряду с государством и экономикой. Но если государство присутствует везде — в том числе в экономике и на локальном уровне управления, как решать проблемы местных сообществ?

«ОБЩЕСТВО ГРАЖДАН» ПРОТИВ «ОБЩЕСТВЕННОСТИ»

Подлинное гражданское общество («общество граждан») в современной России рождается через ненасильственное⁹, но конфронтационное сопротивление — гражданское неповиновение. Последнее, по определению Джона Роулза¹⁰, связано среди прочего с возможным нарушением закона и готовностью понести за это наказание. В случае российского сопротивления ситуация сложнее. Люди сопротивляются властям, которые, сами нарушая закон (в част-

ности, статью 31 Конституции о свободе собраний, имеющую прямое действие), имеют при этом все возможности для легального обоснования законности своей позиции. Примером может служить омоневец, который тащит в автозак молодого человека, вышедшего на несанкционированный митинг, или представитель компании-застройщика, имеющий все бумаги и согласования для сноса целого городского квартала вполне жизнеспособных домов. Это протест, безусловно, ненасильственный, но сопротивление полицейскому при защите собственного двора от бульдозера застройщика будет расценено в лучшем случае как административное правонарушение, в худшем — как уголовное.

«Общество граждан» вступает в конфронтацию нескольких типов.

Первый и главный тип конфронтации — с государством.

Второй — с инертной частью общества, в которой нет никаких признаков гражданского и гражданственности. Это конфронтация с «человеком толпы», «современным массовым человеком», который «полностью противоположен citizen» (Ханна Арендт)¹¹ и иногда пассивно, а иной раз агрессивно готов поддерживать государство. Те, кто мешает этим проявлениям конформизма, лишь раздражают и вызывают недоверие у «человека толпы».

Третий, особый тип конфронтации — с той частью общества (мы называем ее «общественностью»), которая активна, считает себя гражданским обществом, но при этом работает под контролем государства и конкурирует с неприемлемыми для власти гражданскими организациями. Часть структур «общественности» исповедует консервативную идеологию.

Это комьюнити претендует на гранты или как минимум поддержку от государства и получает их. Оно выстраивает вместе с государством общественные организации, выполняет роль субститута тех структур, которые занимались гражданской работой, но отсечены от нее, например будучи объявленными иностранным агентом. Для координа-

ции работы с обществом власть создает своего рода «министерства»: общественные палаты, структуры Объединенного народного фронта. При этом, устраивая свою, подконтрольную «общественность», государство подражает независимому гражданскому обществу, используя его технологии, перехватывая термины и инициативы¹². Для государства опасна самостоятельность. Например, в волонтерах, которые тушат пожары, оно способно увидеть зерно активности, потенциально опасной в политическом смысле. Его устраивают только свои волонтеры, проверенные на лояльность.

Некоторые организации «общества граждан» вынуждены переходить в сектор контролируемой властью «общественности» — чтобы выжить и продолжать свою деятельность. Особенно это касается структур, занимающихся социальными вопросами.

В случае России в зонтичное понятие «общественность» можно включить организации, которые принято относить к «консервативному гражданскому обществу»¹³. Эти группы поддерживаются государством, прямо или косвенно. Например, управление по работе с казачеством московской мэрии совершенно официально привлекает казачьи организации к охране общественного порядка. При этом загадочные казачьи формирования участвовали в насилии над митингующими 5 мая 2018 года; соответственно, возник вопрос, на каком основании они это делали и не теряет ли государство монополию на легитимное насилие. Подобного рода «общественные» организации, в том числе НОД (Национально-освободительное движение) и SERB, известными нападениями на гражданских и политических активистов, поддерживаются силовыми структурами¹⁴.

И еще одно замечание. Возможно, в случае России само понятие «консервативное гражданское общество» все-таки является *contradictio in adjecto* — противоречием в определении, примерно таким же, как и «нелиберальная демократия». Консервативные группы активны, иногда формируются без помощи государства (в России они как минимум должны не раздражать государство и заниматься морально поощряемой «патриотической» деятельно-

стью) и в этом смысле могут быть оценены как гражданские. Но если их активность по сути направлена против реализации прав и свобод, прежде всего политических, она едва ли может быть признана гражданской в собственном смысле слова, потому что противоречит классическому значению понятия «гражданин». «Консервативное гражданское общество» прямо противостоит «обществу граждан».

НЕГАТИВНАЯ ПЛАТФОРМА СОПРОТИВЛЕНИЯ

Процессы, происходящие в современном российском обществе, пока еще рано называть деэтизацией: поддержка большинством российского населения символов величия российского государства и вера в мощь государственного интервенционизма еще слишком велики. Базовые ценности большинства граждан носят рационально патерналистский характер. В условиях современной России разумно уповать почти во всем на государство, потому что возможностей для активного независимого, в том числе рыночного, поведения не так много, а в последнее время даже меньше, чем раньше¹⁵. Тем не менее в очень специфических формах и на негативной, конфликтной основе этот процесс начался.

Характерные приметы последнего времени — сопротивление ряду исходящих от власти инициатив: сносу двух вполне жизнеспособных кварталов в московском районе Кунцево, где девелоперская компания ПИК в союзе с московской мэрией решила построить новые дома¹⁶; сносу московского Киноцентра, где те же застройщики в союзе с той же мэрией собираются построить новый гигантский комплекс апартаментов¹⁷; программе московской мэрии «200 храмов», принимающее иной раз самые жесткие формы¹⁸.

Нетрудно заметить, что самые резонансные истории почти однотипны: это прежде всего Москва (хотя география такого рода событий расширяется¹⁹); это очень большие деньги, которые есть в большинстве случаев именно в столице страны или в других крупных городских агломерациях²⁰; это совместные усилия городских управленческих структур и близкого

им бизнеса по вторжению, если угодно, в экосистему горожан; это следствие навязывания модели реконструкции, которая нравится городскому руководству, но не нравится значимому числу горожан.

Таким образом, вроде бы технические проблемы, ввиду способа их решения, превращаются в темы гражданского звучания, а при определенных условиях и политического. Правда, политизируют их своей глухотой и нахрапистостью именно городские власти, а не простые обыватели, вынужденным образом становящиеся гражданами.

И граждане-неофиты начинают сопротивляться. При этом они защищают не просто свои частные пространства и собственность, но и то, чего раньше советский и постсоветский человек совершенно не замечал: пространство публичное — парки, скверы, дворы. Защита публичного пространства от вторжения внешней силы становится основой для гражданского объединения.

Симптоматичен и другой пример — массовые митинги в Архангельской области против масштабных планов захоронения московского мусора на территории этого субъекта Федерации²¹. Создаются организации, например движение «Комитет защиты Вычегды», для сопротивления завозу мусора из Москвы²². «Мусорные протесты» — новое явление, опять-таки связанное с как бы техническим вопросом²³. Но в той же логике, что и с сопротивлением сносу домов, эта проблема перерастает свой технический характер и обретает гражданский смысл²⁴.

Разделение ответственности, сопротивление внешней силе как общее дело, *res publica* — это и есть процесс рождения гражданина. Переход от негативной идентификации и солидарности к позитивной — следующий шаг, и сделать его очень сложно, учитывая увеличение числа запретов и ловушек — «законных», то есть законодательно устанавливаемых государством²⁵. Это процесс дебиюрократизации гражданского общества. Новые способы и формы его существования предельно неформальны. Они концентрируются на решении конкретных проблем, гражданские объединения чрезвычайно подвижны и мобильны. Иной раз они носят ситуативный и временный характер, что не снижает ценности

усилий граждан. В этом смысле можно говорить о процессе «низовой модернизации». Если государство не готово быть современным и открытым к сотрудничеству с гражданами, они сами начинают выстраивать свою параллельную модернизационную «горизонталь».

Формирующееся на новой основе «общество граждан» не только конгломерат организаций. Это и сообщество индивидов, которые необязательно должны объединяться в формальные структуры. Гражданин самоценен сам по себе, а не потому, что он с кем-то объединен. «Общество граждан» ни в каком виде не власть, даже не альтернативная, не параллельная. Это то, что противоположно власти.

И в этом смысле не вполне правильно измерять зрелость гражданского общества, например, готовностью участвовать в протестах. Это важный, но не слишком точный индикатор в условиях атомизированного и поляризованного общества и жесткого авторитарного государства. Выход на улицу физически опасен для протестующего и в последние годы (в отличие, например, от протестов против монетизации льгот в 2005 году) почти не оказывает влияния на ход событий или на решения властей.

К тому же заявленная в ходе опросов готовность участвовать в протестах, как правило, декларативная, если только речь не идет о защите конкретного интереса конкретного сообщества, как в случаях насильственной реконструкции в Москве или захоронения мусора. На пике недовольства пенсионной реформой в июле 2018 года готовность принимать участие в массовых акциях протеста с экономическими требованиями составляла 28 %, а с политическими — 23 %. Но эти высокие значения не соответствовали реальному поведению граждан, совершенно не собиравшихся выходить на улицы.

Хороший пример индивидуального сопротивления, и тоже на негативной основе, — стремительный сбор денег на выплату беспрецедентного штрафа, явно политически мотивированного, назначенного журналу (в результате давления на него ставшего интернет-изданием) *The New Times*. Деньги перечисляли далеко не только читатели журнала. В основном это были

просто люди, возмущенные явно несправедливыми действиями властей по отношению к независимому медиаресурсу — при полном понимании самоценности неподцензурной прессы. Анализируя итоги кампании по сбору средств, главный редактор The New Times Евгения Альбац писала: «Что стало триггером? Острое чувство несправедливости — за пару не вовремя сданных бумажек ребят наказали на 22 млн руб. — не беспредел ли? Ощущение, что власть совсем потеряла берега? Нарастающий в обществе протест — сродни тому, что заставил людей в Хакасии и Приморье голосовать за любого кандидата, лишь бы не за кандидата власти? Или это поднимает голову гражданское общество, которое начинает осознавать, что отступать дальше некуда: уже отобрали большинство важнейших свобод, от права выбирать до права митинговать, и необходимо наконец сказать власти — нет? Кстати: самое частое требование в эс-эмэсках: „Не сдавайтесь!“ Не сдаемся»²⁶.

«ПОЕЗД ИЗМЕНЕНИЙ», ИДУЩИЙ ПО КРУГУ

В московском метро иной раз появляются обильно раскрашенные поезда. Один из них называется «Поезд изменений». Разные вагоны тематически описывают те или иные общественные инициативы, поддержанные властью, например движение волонтеров-медиков. Идея изменений, если судить по этим агитпоездам, принимается властью. Однако в ответ, вместо модернизационных усилий, государство просто «отзеркаливает» деятельность «общества граждан» и пытается его вытеснить, заменив подконтрольной и проверенной общественностью. Так часто бывает с волонтерской и социальной активностью. На всякую потенциально массовую инициативу власть отвечает либо созданием своей собственной структуры (влиятельное провластное Военно-историческое общество делает почти незаметной активность Вольного исторического общества), либо «национализирует» проект, маркируя его как свой («Бессмертный полк»). За неподконтрольными проектами, которые оно не готово «национализировать», государство внимательно наблюдает: например, «Последний адрес», становясь все более массовым, начинает постепенно вызывать

раздражение у власти. В Санкт-Петербурге местные властные структуры уже пришли к выводу, что размещение табличек в память о жертвах репрессий нарушает местное законодательство²⁷.

Спрос на изменения действительно существует²⁸. Но если говорить о массовом спросе, он очень неопределенный и носит в целом патерналистский характер, ориентированный на редистрибуцию национального продукта. Хотя есть основания считать, что запросы населения не всегда сводятся к банальному требованию *panem et circenses* — хлеба и зрелищ. Об этом, в частности, свидетельствуют данные доклада Михаила Дмитриева, Сергея Белановского и Анастасии Никольской²⁹. Но в целом, пока одни («низы») не могут сформулировать запрос, другие («верхи») не в состоянии его расшифровать. Зато последние имеют все возможности для того, чтобы предложить свою версию субститута изменений.

Интерес властей — перехватить повестку у гражданского общества, в том числе его организаций (например, объявленных иностранными агентами); превратить государство в безальтернативный источник финансирования и поддержки гражданской, благотворительной и прочей активности. Государство предлагает свою повестку «изменений» и соучастия в них. Пытаясь сформировать лояльного гражданина, оно предоставляет члену общества поле для морально одобряемой активности — лишь бы он не выходил на площадь или не погружался в депрессивное состояние.

Характерен пример поддержки государством волонтерского движения; на эту тему в декабре 2018 года было даже организовано заседание Госсовета³⁰. Официальные данные впечатляют. С 2017 года для НКО открыт доступ к оказанию социальных услуг за счет бюджетов. Для этого они должны получить особый статус исполнителей общественных услуг. На 1 декабря 2018 года в Российской Федерации зарегистрировано 210 тысяч некоммерческих организаций, которые по своим организационно-правовым основам соответствуют деятельности как социально ориентированные (не дай бог, не социально ориентированные!). По линии Фонда президентских грантов в 2018 году 900 волонтерских проектов получили

финансирование на сумму 1 миллиард 700 миллионов рублей. В Калининградском регионе, например, в 2015 году 5 % социальных услуг оказывались некоммерческим сектором, в 2018 году — 37,5 %. С 1 января 2019 года в рамках национального проекта «Образование» стартует реализация федерального проекта «Социальная активность». Одна из его задач — вовлечение к 2024 году в добровольческую деятельность 20 % граждан, или 30 миллионов человек.

Каждый пятый гражданин России, докладывая на заседании Госсовета социальный вице-премьер Татьяна Голикова, должен стать волонтером. Едва ли такая активность может быть исключительно добровольной. Происходящее похоже на замещение социальных государственных сервисов бесплатной рабочей силой.

А в случае с формированием «кибердружин» («казачий дозор»), ведущих реестр запрещенных сайтов, — это своего рода аутсорсинг подконтрольным «консервативным гражданским обществом» контрольно-надзорных функций государства³¹. В случаях же, когда «казаки» следят за «общественным порядком», можно говорить об отказе государства от монополии на легитимное насилие. Такой «поезд изменений» просто обречен ходить по кругу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, «общество граждан» и его представители в России находятся в непростом положении. Они могут пойти на сделку с государством и работать на него и на его условиях. Де-факто это означает и открытую политическую поддержку режима, и превращение в «общественность». Другой путь — маргинализация, обретение статуса изгоев, обреченных на перманентный конфликт с государством. Причем и в тех случаях, когда речь идет, например, об организациях — «иностранных агентах», и тогда, когда гражданское неповиновение и объединение спровоцировано социальными и техническими проблемами вроде сноса домов или захоронения мусора. В обществе продолжают нарастать конфликтность и поляризация ввиду конкуренции «общества граждан» с официальными организациями — получателями кремлевских гран-

тов, а также структурами из «консервативного» сектора вроде казачьих объединений.

У государства нет намерения иным образом строить отношения с гражданским обществом, и это вписывается в устойчивую тенденцию к огосударствлению всех сфер жизни. Гражданское общество не исчезнет, а станет существовать параллельно государству, и не всегда в форме НКО или иных организаций. Чаще это будет жизнь неформализованная, основанная на строительстве горизонтальных сетей и, как правило, с преобладанием негативной повестки.

ОБ АВТОРЕ

Андрей Колесников — руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1, А–З. — М.: Русский язык, 1978. — С. 389.
- 2 *Petit Larousse.* — Paris, 1964. — P. 216.
- 3 *Micro Robert. Dictionnaire du francais primordial. Tome 1, A a L.* — Paris, 1973. — P. 183.
- 4 *Levitsky S., Ziblatt D.* How democracies die. — N. Y.: Crown Publishing Group, 2018. — P. 23–24.
- 5 Выбор. Послесловие Е. Т. Гайдара к работе В. А. Мау «Экономика и власть: политическая история экономической реформы в России (1985–1994)» // *Мау В. А.* Сочинения. Т. 2. — М.: Дело, 2010. — С. 122.
- 6 Характерно, что внеплановые проверки этих знаковых организаций начаты практически одновременно: Минюст проверит «Мемориал» на предмет выполнения функций НКО-«иноагента». — Интерфакс. — 14 января 2019 года // <https://www.interfax.ru/russia/646036>; Минюст начал проверку движения «За права человека», возглавляемого Пономаревым. — Интерфакс. — 14 января 2019 года // <https://www.interfax.ru/russia/646014>
- 7 НКО окружают учетом. — Коммерсантъ. — 16 января 2019 года // <https://www.kommersant.ru/doc/3854782>
- 8 *Rodrik D.* Reclaiming Community. — Project Syndicate. — November 9, 2018 // <https://www.project-syndicate.org/commentary/economists-focus-on-markets-too-narrow-by-dani-rodrik-2018-11>; *Rahab R.* The Third Pillar. — N. Y.: Penguin Random House, 2019.

- 9 Ненасильственное сопротивление, с точки зрения достижения целей протеста, более эффективно, чем насильственное. *Chenoweth E., Stephan M. J.* Why civil resistance works. The strategic logic of nonviolent conflict. — N. Y.: Columbia University Press, 2011.
- 10 Civil Disobedience. — Stanford Encyclopedia of Philosophy. — December 20, 2013 // <https://plato.stanford.edu/entries/civil-disobedience/>
- 11 *Арендт Х.* Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. — М.: Издательство Института Гайдара, 2018. — С. 248.
- 12 Как говорит социолог Симон Кордонский: «Интенция государства: ищется что-то живое или что кажется живым и это национализируется, делается государственным. Наше государство — все из таких структур, имитирующих процессы, которые происходят вне государства». Социолог Симон Кордонский: «В переписи населения нет предпринимателей». — Ведомости. — 29 января 2019 года // <https://www.vedomosti.ru/economics/characters/2019/01/29/792749-v>
- 13 *Richard Youngs, et al.* The Mobilization of Conservative Civil Society. — October 4, 2019 // <https://carnegieeurope.eu/2018/10/04/obilization-of-conservative-civil-society-pub-77366>
- 14 *Крутов М.* «Карманные атаманы Путина». Казаки под крылом ФСБ. — Радио «Свобода». — 7 мая 2018 года // <https://www.svoboda.org/a/29213389.html>
- 15 *Колесников А., Волков Д.* Новая русская мечта: частная собственность для детей. — Московский Центр Карнеги. — 20 ноября 2018 года // <https://carnegie.ru/2018/11/20/ru-pub-77744>
- 16 *Колесников А.* По кому рычит бульдозер. — Газета.ру. — 27 ноября 2018 года // <https://www.gazeta.ru/comments/column/kolesnikov/12072391.shtml>; *Докшин В., Васильчук Т.* Реконструкторы в Кунцево. — Новая газета. — 22 ноября 2018 года // <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/11/22/78672-rekonstruktory-v-kuntsevo>
- 17 В Москве задержали участников акции против сноса киноцентра «Соловей». — Новая газета. — 23 ноября 2018 года // <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/11/23/147031-v-moskve-zaderzhali-uchastnikov-aktsii-protiv-snosa-kinotsentra-solovey>
- 18 Задержанный за поджог храма в Тушино объяснил случившееся протестом против застройки парка. — Коммерсантъ. — 8 ноября 2018 года // <https://www.kommersant.ru/doc/3793531>
- 19 *Фомиченко Ю.* Это была бандитская спецоперация. — Сибирь. Реалии. — 9 января 2019 года // <https://www.sibreal.org/a/29699522.html>
- 20 *Назарова К.* В Подмоскowie прошел митинг против объединения поселений в городской округ. Люди опасаются вырубки леса и многоэтажной застройки. — Дождь. — 2 февраля 2019 года // https://tvrain.ru/teleshov/videooftheday/miting_v_kratovo-479765/
- 21 *Железнова М.* Против Москвы и ее мусора. — Ведомости. — 3 декабря 2018 года // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/12/03/788270-protiv-moskvi>
- 22 *Соловьева Е.* Хроники «мусорной войны»: как власть сливает протест. — The New Times. — 14 января 2019 года // <https://newtimes.ru/articles/detail/175864>
- 23 *Гордиенко И.* Мусорный ветер перемен. — Новая газета. — 28 марта 2018 года // <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/03/28/75972-musornyy-veter-peremen>
- 24 Акция «Россия не помойка»: десятки городов, тысячи протестующих. — Радио «Свобода». — 3 февраля 2019 года // <https://www.svoboda.org/a/29748514.html>
- 25 *Колесников А., Волков Д.* Самоорганизация гражданского общества в Москве. — Московский Центр Карнеги. — 14 декабря 2016 года // <https://carnegie.ru/2016/12/14/ru-pub-66437> Интересно, что к аналогичным заключениям пришли ведущие сотрудники «Левада-центра» за десять лет до нашего исследования.
- 26 *Альбац Е.* Как вы спасли The New Times. — The New Times. — 31 декабря 2018 года // <https://newtimes.ru/articles/detail/175514>
- 27 *Колесников А.* Дорога к последнему адресу. — The New Times. — 17 декабря 2018 года // <https://newtimes.ru/articles/detail/174885/>
- 28 *Колесников А., Волков Д.* Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый спрос на изменения? — Московский Центр Карнеги. — 5 декабря 2017 года // <https://carnegie.ru/2017/12/05/ru-pub-74906>
- 29 Комитет гражданских инициатив. — 11 октября 2018 года // <https://komitetgi.ru/news/news/3902/>
- 30 Заседание Государственного совета. — Президент России. — 27 декабря 2018 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/59528>
- 31 Казачья кибердружина. — Казачий дозор // <http://cossackcenter.mgmtm.ru/kazachya-kiberdrujina-il>

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Carnegie Corporation of New York.

© 2019 Фонд Карнеги за Международный Мир.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.